

Заметив, что Чун Дай собрался уходить, Фу Исянь ловко перемахнул через оконную раму. Едва коснувшись носками земли, он рванулся вперёд и перехватил руку друга — всё это заняло лишь мгновение, за которое тот едва успел взлететь на перила. Цзыхоу так и застыл, балансируя на одной ноге над пустотой, крепко удерживаемый Исянем.

Пальцы Исяня оказались на удивление тонкими и холодными. Это прикосновение мигом остудило горячность Чун Дая, заставив его замереть на месте. Словно замороженные, они долго стояли так, рука в руке, нарушая безмолвие лишь тихим дыханием. Прошло не меньше четверти часа, прежде чем Исянь негромко заговорил:

— Цзыхоу, на Медной Горе тебе пришлось несладко. Ладони совсем огрубели, в мозолях.

Исянь мягко разжал пальцы. Чун Дай проводил его руку взглядом и мысленно вздохнул:

«Ну и пусть. Спишу это на то, что Сяошань просто за меня тревожится. В конце концов, не зря же мы дружим столько лет».

Исянь взгляделся в его помрачневшее лицо. Тот молчал, и бакалавр решил, что друг всё ещё таит обиду. Сам ведь так спешил, выпрыгнул из окна, а теперь стоял посреди двора, не находя нужных слов. Неловкое молчание затягивалось, грозя стать совсем невыносимым, но тут Чун Дай нарушил тишину:

— Ты прав, завтра мы всё равно встретимся на официальном приёме. Вот только там нас будет разделять пропасть. Ты предстанешь как посланник Его Величества, облечённый высшей властью, а я — всего лишь скромный офицер, обязанный безмолвно внимать императорскому указу. И слова вставить не посмею. А когда с делами покончишь, наверняка поспешишь навестить старого генерала, выказать сыновнюю почтительность. Я в вашей семье чужой, разве прилично мне идти следом? У меня и так не было пустых иллюзий. Раз уж ты советуешь мне уехать поскорее, приму это за заботу. Пожалуй, так и сделаю — вернусь к себе.

Выслушав эту пылкую тираду, Исянь облегчённо перевёл дух. Он лениво прислонился к перилам и, притянув к себе застывшего рядом слугу-евнуха, шутливо стянул с его головы шапку. Крутя её в руках, он с улыбкой проговорил:

— Получил генеральский чин, и характер сразу испортился? Я ведь просто к слову сказал, зачем так близко к сердцу принимать? Чай, не военный приказ. Если сболтнул глупость, всегда ведь можно взять слова назад.

Чун Дай смерил его долгим взглядом. Исянь стоял довольный и весёлый, увлечённо вертя стеклянную бусину на тулье служебной шапки. Смотреть на это ребячество без улыбки было невозможно, и суровые губы генерала наконец дрогнули.

Исянь вскинул на него лукавые глаза и поддразнил:

— Да слезай ты уже с перил! Нашёл время изображать важного петуха на насесте — стоишь тут, как аист на одной ноге.

Услышав такое сравнение, Чун Дай спрыгнул во двор и легонько шлёпнул друга по лбу.

— Никакого почтения к старшим! Где твоё достоинство императорского посланника? Слава богу, ехал тайно, а не то опозорился бы на всю страну в первый же день.

Потирая ушибленное место, Исянь весело рассмеялся и небрежно нахлобучил шапку обратно на голову перепуганного слуги.

— Быть посланником государя — тяжкая доля, Цзыхоу. Тебе просто не довелось испытать это на шкуре.

Чун Дай на мгновение задумался, а затем спросил тише:

— Но почему государь выбрал именно тебя?

Исянь лишь горько усмехнулся и покачал головой:

— Ты ведь ещё в столице догадался, что отправят меня. Неужели до сих пор не понял причин?

— Дело в Великом генерале... или во мне?

— В тебе.

— И он так легко отпустил тебя?

Исянь удивлённо вскинул брови:

— А почему он должен был меня удерживать?

Чун Дай тяжело вздохнул.

— Сяошань, пусть я больше года провёл на границе, слухи из столицы долетали и сюда. Умирение Хун Жуцзиня, возведение на престол старшей дочери Жуй Жуна... Разве всё это устроилось не с твоей подачи? Ради тебя император отправил на плаху самого помощника министра ритуалов! Ваши с ним узы... Пожалуй, посторонним их тайну ни за что не разгадать.

Исянь самокритично усмехнулся:

— Быстро же слухи до вас доходят. Скажи, Цзыхоу, если мой отец спросит меня о том же, что мне ему ответить?

— Вечно ты паясничаешь! Я слышал от шестого принца, что государь из-за меня доставил тебе немало неприятностей. Раз он видит во мне угрозу, с чего бы ему посылать тебя с проверкой на заставу Медной Горы? Зачем позволил нам увидеться?

— Он государь, и всегда точно знает, чего хочет. Я же лишь по мере сил помогаю ему добиваться желаемого. К тому же изначально Его Величество вовсе не планировал отправлять меня на границу. Это я настоял на поездке.

— Вот я и спрашиваю: почему?

— Во-первых, чтобы навестить отца. А во-вторых... повидаться с тобой, Цзыхоу.

Сентябрь пятого года правления Юйчэн. Застава Медной Горы

Шестого сентября выдался погожий, необычайно ясный для поздней осени день. На заставе Медной Горы царило редкое оживление. У городских ворот выстроились тридцать девять музыкантов, оглашая окрестности торжественными звуками флейт и барабанов. В полдень тяжёлые створки ворот распахнулись.

Первым в город вступил передовой отряд пеших гвардейцев. Они несли почётные знаки с начертанными на них золотом символами «Императорский посланник» и фамильным гербом «Фу». Следом шествовал конный эскорт: десять тяжеловооружённых всадников плотным кольцом окружали роскошный паланкин, который несли шестеро слуг. Хранители покоя вельможи везли парадное оружие: у двоих при седле крепились золочёные булавы- «дыни», у двоих — тяжёлые медные молоты, у двоих — боевые топоры, ещё двое держали обнажённые клинки, а последние двое — сверкающие копья. Над их головами полоскались на ветру шёлковые стяги, придавая процессии грозный и величественный вид. За главным паланкином следовал закрытый четырёхместный экипаж поменьше, а замыкал шествие длинный караул слуг-евнухов, несущих на плечах резные лари, сундуки и корзины с добром.

Так, со всей подобающей пышностью, чрезвычайный посланник Фу Исянь и сопровождавший его начальник Департамента императорского двора евнух Ван Юаньчэнь вступили в пределы заставы. У входа в уездную управу почётным караулом выстроились местное чиновничество и высший командный состав во главе с Великим генералом Фу Юаньтаем, инспектором армии принцем Чэном и офицером авангарда, генералом Чун Даем.

Услышав приближающийся гул голосов и бряцание сбруи, принц Чэн первым сделал шаг навстречу процессии.

Паланкин остановился перед крыльцом управы. Носильщики бережно опустили его на землю, слуга откинул шёлковую занавесь, и взорам собравшихся предстал Фу Исянь. Облачённый в парадное чиновничье одеяние третьего ранга, он держался с безупречным достоинством и полнейшим спокойствием. Чиновники и военные тут же склонились в глубоком поклоне; даже грозный Великий генерал Фу Юаньтай выразил почтение сыну, ставшему государевым оком. Исянь ответил едва заметным кивком и неторопливо вошёл под своды управы.

Приветственный обед устроили с небывалым размахом. За столом Исянь хранил высокомерное молчание, предоставив своему спутнику, евнуху Ван Юаньчэню, развлекать гостей. Тот без усталости сыпал шутками, сглаживая неловкие паузы и любезно беседуя с офицерами.

Когда пиршество подошло к концу, чрезвычайный посланник поднялся. Гости почтительно встали следом. Распрощавшись с военачальниками, Исянь и евнух Ван в сопровождении охраны отправились на отдых в наспех освобождённую для них резиденцию инспектора армии.

Принц Чэн тоже собирался отбыть вслед за ними. Уже взявшись за поводья, он обернулся к Чун Даю и негромко заметил:

— Вглядишься хорошенько, Цзыхоу. Фу Юаньшань ещё так молод, а уже осыпан императорскими милостями. Тебе же во всей этой истории досталась лишь участь обманутого глупца.

Чун Дай лишь опустил голову, не удостоив принца ответом. Тот долго и пристально смотрел на него, затем в сердцах стегнул коня плетью и умчался прочь.

Когда принц Чэн вернулся в резиденцию, выяснилось, что посланник уже уехал в поместье своего отца, дабы выказать тому почтение, и до утра едва ли вернётся. В просторном зале остался лишь Ван Юаньчэнь. Евнух неторопливо пил чай, лакомясь изысканными сладостями, но едва завидев вошедшего принца, тут же поднялся на ноги и низко поклонился:

— Ах, Ваше Высочество вернулись! Признаться, за этот год старый слуга совсем истосковался по вам в столице.

Принц Чэн отлично знал нрав евнуха Вана и понимал, что тот редко снисходит до пустой лести. Эти слова пришлись ему по душе. С улыбкой махнув рукой, принц благосклонно произнёс:

— К чему эти церемонии, уважаемый Ван? Тебе во дворце подле государя приходится не легче нашего.